

Л. Л. ИЛЬЮШИНА
Республика Беларусь, г. Минск

КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ И ИСТОРИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Современное общество вступило в особый исторический период, когда техногенная цивилизация, которую можно определить как цивилизацию, постоянно изменяющую свои основания, вступила в «век бифуркаций». Наблюдается эскалация локальных межцивилизационных конфликтов, искажается цивилизационная самоидентификация молодых поколений. Более того, национальные и этнические проблемы стали одними из наиболее острых и болезненных в современном мире. Это явление, получившее в литературе название «этнического парадокса», стало своеобразной реакцией на тенденции нарастающей унификации духовной и материальной культуры в условиях глобализации.

Возрастающая интенсивность глобальных взаимосвязей способствует распространению по всей планете тех форм социальной, экономической и культурной жизни, знаний и ценностей, которые воспринимаются как оптимальные и наиболее эффективные для удовлетворения личных и общественных потребностей. Конкретным инструментом социокультурного взаимодействия является межцивилизационный диалог. Исследователи также отмечают, что в этом диалоге на современном этапе преобладает западное влияние и, следовательно, основу диалога составляют ценности западной техногенной цивилизации. Однако в последние десятилетия все более заметным становится возрастание значения результатов социально-экономического и культурного развития восточных и традиционных обществ, что, в свою очередь, стимулирует изучение культуры, традиций, механизмов социализации как основы межкультурного диалога.

Глобальная история формируется на перекрестье взаимоотражений культур, в силовом поле их взаимовлияний, в форме релятивизации любого культурного и исторического опыта. Важными представляются положения о том, что в глобальном знании не может быть объекта без субъекта познания и что целостность мира, человечества предполагает в своей основе взаимозависимость образов и сущностей этой целостности. В той мере, в которой эта позиция реализуется, концепция «сверхцивилизации» отходит от детерминистского канона эпистемологического выбора (в пользу мировых законов) и делает шаг в направлении к постнеклассическому – конструктивистскому канону.

Между тем в постнеклассической науке (если понимать ее как когерентную структуру знания) центральное место занимает не системно организованный объект и даже не субъект познания, а «наблюдатель», интерпретатор в качестве самостоятельной, сложно организованной системы. Для наблюдателя (как системы) характерны не только деятельность и самосознание (что достаточно для субъекта), но и способность к самореференции, работе с самоописаниями как независимыми сущностями. Принцип самореферентности означает, с одной стороны, относительность наших самоописаний, их недостаточность и открытость с точки зрения идеала универсального истинного знания, а с другой – особый

тип взаимодействия с окружающим миром и даже человечеством – в логике глобального подхода. Наблюдатель действует по принципу самодостраивания мира, среды как живых систем.

Культура в рамках этой концепции представлена не как система, а как контрагент во взаимодействии со средой, человеческой агрессией, модернизацией. Это совокупность инструментов, которые попадают человеку в руки в процессе его деятельности. Культура – это скорее сфера бифуркаций, чем тенденций, и в еще меньшей степени – сфера образцов и целей. Ее язык осознается в первую очередь как инструмент описания исторической ситуации современником или историком. Он принципиально политологичен, подразумевает создание множества образцов, которые размещаются в сетевом пространстве, созданном взаимодействием действующих сил в обществе. Соотношение рационального и иррационального в данном случае не является сущностной характеристикой культуры.

На смену линейной и многолинейной концепции всеобщей истории, ризомным моделям постмодернизма концепция единой цивилизации предлагает теорию сети или поля трансграничных взаимовлияний, своего рода наднациональных «волновых процессов», которые и создают глобальность, т. е. предполагается учитывать разнообразия вещно-энергетических, ролевых, знаково-символических агентов исторических изменений и, главное, взаимность любых воздействий, представление о мироцелостности как поле коэволюции исторических сил. Характерная черта этих сил в том, что они или последствия их воздействия статистически измеряемы. В их исследование вводятся естественнонаучные понятия, методы анализа и логика.

Мировые цивилизации встроены в эту систему как особые, независимые от человека культурно-исторические силы, естественные социокультурные сообщества людей.

Глобальная история формируется в настоящее время по нескольким направлениям и все более противопоставляет всеобщей истории – как европоцентричной, линейной, детерминистской по своему происхождению – свою модель полицентрического мира, развивающегося через экологические, культурные, политические кризисы с принципиально непредсказуемым исходом.

Глобальная история появилась в условиях кризиса и последующего краха структурализма, в среде, где были разрушены представления о сущности исторических явлений, о единстве исторического процесса, об определяющей роли в истории общественных противоречий, о позитивной социализирующей роли господствующей культуры. Она складывалась в условиях доминирования культурно-исторического подхода к истории и исторического релятивизма, поставившего под сомнение возможность применения в процессе исторического анализа сквозных философских понятий.

Это позволило глобальной истории сохранить пафос самоопределения, независимости от теоретических наук, характерный для современной историографии. Хотя она не свободна от философско-исторических и историко-социологических схем, их функция в ее содержании значительно отличается от ситуации во всеобщей истории. Ведь глобальная история формировалась в период упадка реалистического, платоновского знания о сущностях и законах. Поэтому номотетические науки представлены в ней своими отдельными элементами, а значение их центральных понятий сильно ограничено.

В результате образовалась чисто номиналистическая и прагматически ориентированная теория, избегающая общих суждений. В ней нет места для представлений о сущности или разумности исторического процесса и любых иерархических моделей структуры человеческих сообществ. В этих условиях интегратором образа истории является только личностное знание исследователя, подчас откровенно субъективное.

Большой ошибкой было бы сводить глобализацию видения истории к воспеванию западных идеалов, хотя эта тенденция тоже имеет место. Глобальная история описывает

сеть отношений, в рамках которых воздействие периферии на центр не менее важно, чем воздействие центра на периферию, где идеалом выступает не единая централизованная система, а полицентричность. Интеграция в рамках процесса глобализации ничем не лучше диверсификации, что легализует любые сценарии развития (и застоя). Превращение Океании в рекреационную зону глобального масштаба в этом контексте не лучше и не хуже ее индустриализации.

Область проявления всеобщего в мировой истории обозначена как область глобальных, межрегиональных и межконтинентальных естественноисторических процессов, связанных главным образом с независимыми от сознания людей биологическими, экономическими и геополитическими предпосылками человеческой деятельности.

Единственное условие, которое предъявляет глобальная история, – это сохранение равновесия между микроисторическим вниманием к конкретным особенностям культуры и макроисторическим масштабам нарратива. Если мы утратим первое, то отступим в область традиционной всеобщей истории и философии истории, а если утратим второе – воспроизведем комплексный, но сугубо локальный подход микроистории.